

ВОЙНА ЦѢНА ОТД. № ВЪ РОЗНИЧНОЙ ПРОДАЖѢ И НА СТ. ЖЕЛ. ДОР. 25 К. НОВЫЙ САТИРИКОН

№ 27

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

1916
1 ЮЛЯ

ЗАПОЗДАЛАЯ ПОМОЩЬ.

„Макензень спѣшно вызванъ на австрійскій фронтъ“. (Изъ газетъ.)

Рис. Ре-ми.

КОНТРАГЕНДІВЪ
25
ВЪ СТАНЦІЯХЪ

Австрійскій орелъ: — Макензень, милый Макензень! Вставь мнѣ хотя бы одно перо!
— Гм... это уже сдѣлали русскіе.

СТРЕКОЗА И МУРАВЕЙ.

Банкиръ: — Что ты для меня снимаешь свои послѣдніе штанишки. Теперь кожа въ цѣнѣ. погоди, сдери съ себя кожу и приходи. Можетъ быть, возьму.

ЗАПИСКИ МУЖЧИНЫ.

Все чаще и чаще попадаютъ въ газетахъ замѣтки о примѣненіи во всѣхъ областяхъ — женскаго труда. Я понимаю, что во всѣхъ странахъ это вызывается условіями войны, но иногда мнѣ становится отъ этого немного жутко.

Съ одной стороны, пріятно, что полъ, къ которому я имѣю вполне заслуженную честь принадлежать, становится слабымъ, и начинается заря новой жизни, когда, быть можетъ, меня и васъ и нашихъ пріятелей будутъ провожать до дома, заѣзжать за нами въ театръ, ухаживать за нами и даже слегка осуждать за столь привычное для насъ поведеніе:

— Встрѣтила вчера Рамкина въ нетрезвомъ состояніи... Мужчина и пьетъ, не стѣсняясь... Онъ еще курить начнетъ на улицахъ... Отъ него отвернутся всѣ, и никто не сдѣлаетъ предложенія. Насидится въ юношахъ.

Съ другой стороны, непріятно за то, что работа въ рельсо-прокатныхъ мастерскихъ, нефтяныхъ конторахъ и при разгрузкахъ товарныхъ вагоновъ убьетъ въ женщинъ то, что начинающіе беллетристы называютъ женственнымъ и пишутъ въ непринятыхъ рукописяхъ съ большой буквы, то самое, по поводу чего философы пишутъ большія и глупыя книги, а молодые люди безъ различія національностей и происхожденія стрѣляются пачками. То самое, что заставляетъ иногда умнаго и начитаннаго человѣка торчать по цѣлымъ часамъ около какого-нибудь свѣтловолосаго и синеглазаго существа, плохо знакомаго съ грамотой и еще не привыкшаго къ сознанію, что въ головѣ есть какое-то вещество, у котораго тоже должна быть своя работа...

Тогда начнется другая невѣдомая для насъ жизнь, картины которой иногда уже мелькаютъ передо мной.

Въ хорошихъ интеллигентныхъ семействахъ, никто, конечно, не будетъ подчеркивать жалкое положеніе безпомощнаго мужа. Жена инженеръ, наоборотъ, будетъ всячески содѣйствовать его стремленію чувствовать себя самостоятельнымъ и не зависѣть отъ нея.

— Ого, да мы, кажется, работой занимаемся? — скажетъ такая женщина, войдя въ будуаръ мужа. — Какія-то бумаги, книги...

— Я одиннадцать лѣтъ уже служу въ конторѣ... — сконфузится мужъ.

— И прекрасно. Конечно, никому не нужны твои двѣсти рублей, но то, что ты не бездѣльничаешь, какъ всѣ мужчины, это очень хорошо. Когда я брала тебя въ мужья, я знала, что ты не изъ типа тѣхъ засидѣвшихся мужчинъ, которые только для того женятся, чтобы сѣсть на шею женѣ.

— Я видѣла на Псякинѣ сѣрый костюмъ, — лукаво вставитъ мужъ, — очень хорошій костюмчикъ... Ко мнѣ бы такъ пошелъ такой костюмъ.

— Если меня выберутъ въ правленіе, ты получишь такой костюмъ.

— Иди, я тебя поцѣлую. Ты у меня добрая, не какъ у другихъ... Только ты мнѣ не измѣняй. Мнѣ рассказывали, что ты ухаживаешь за однимъ авиаторомъ...

— Ну брось, брось...

— Нѣтъ, правда. Если это будетъ такъ, я уйду отъ тебя. Я знаю, что одному мужчине жить трудно и предо мной торная дорожка, но что же дѣлать...

— Какъ ты смѣешь такъ говорить?! Я взяла тебя съ двумя парами брюкъ и пустымъ чемоданомъ. За тобой не было даже двухсотъ рублей приданаго — родители сами хотѣли сбыть тебя съ рукъ и послѣ этого ты еще... Я тебѣ отдѣлала будуаръ, я тебя отпускаю одного въ кинематографъ, а ты... У тебя психологія уличнаго мужчины...

— Я... я...

— Ну вотъ и слезы. Мужскія слезы — что вода. Чуть что скажешь — и слезы...

— Ты попрекаешь меня своимъ хлѣбомъ...

— Ну будетъ, будетъ... Мнѣ пора уже. Сегодня у насъ засѣданіе по топливу. Если ты будешь паинькой, я куплю тебѣ булавку для галстука. Съ большимъ зеленымъ камнемъ...

— Я люблю розовые. У Шварнина есть, у Пети

есть, у всѣхъ есть, всѣмъ жены покупаютъ... Мнѣ даже стыдно за тебя...

— Ну куплю, куплю. Прощай...

* * *

Въ бѣдныхъ семьяхъ будетъ тяжелѣе.

— Это еще что? Опять крикъ?

— А что? Точно впервой слышишь... Опять Карниха мужа бьетъ. За лысину таскаетъ. Пришла съ работы, а онъ съ сосѣдкой лясы точитъ. И по дѣломъ. Жена работаетъ, семью кормитъ, а мужъ себя соблюдать долженъ. Не даромъ хлѣбъ ѣсть.

Жена-слесарь будетъ по вечерамъ, передъ праздникомъ, напиваться пьяной, уходить изъ дома съ гармошкой, отсыпаться въ полиціи и заводить драки, а мужъ будетъ изнемогать отъ домашней работы и бѣгать сплетничать къ сосѣдямъ.

— И такъ раньше хорошо-то было... Работаетъ, бывало, деньги домой несетъ. И я сытъ, и дѣти сыты, и лишній рублишко зажму себѣ на картузь... Запила теперь, старшую

Рис. Бориса Григорьева.

С Ч А С Т Л И В Ы Е.

Дѣвочка (рассказываетъ): — А на дачѣ живутъ все дѣти богачей. Они весь день цвѣты собираютъ и продаютъ ихъ другимъ богачамъ по 5 копеекъ за штуку.

мастерицу вздула. Еще съ завода вышибуть — по-миру пойдемъ...

— И не говори. Пока въ холостыхъ ходимъ, подъ родительской рукой — всякая охольница пристаесть, а женишься еще того хуже. Доля ужъ у насъ такая мужская... Вотъ въ газетѣ сегодня прописано, что скоро и намъ права дадутъ... Пишуть, что одного мужчину до кондукторовъ допустили — самъ будетъ и билетъ отбирать и въ свистокъ свистѣть. Вотъ тебѣ и мужчина. Не хуже бабы съ работой справится...

* * *

Молодые люди изъ интеллигентныхъ семействъ будутъ безропотно ждать женитьбы и шумно возмущаться.

— Ну что же вы нашли мѣсто, Сережа?

— Гдѣ же найдешь, Акимъ Петровичъ... Все переполнено, да мужчинъ неохотно и берутъ. Платяць мало, заставляютъ стукать на машинкѣ да покорничать съ посѣтителницами.

— Это вы вѣрно. Я на мѣстѣ служилъ, такъ мнѣ бухгалтерша прохода не давала. Зоветь къ себѣ въ кабинетъ, шутки разныя, намеки... Стоишь, краснѣешь, а сказать что-нибудь боишься.

— Если нѣтъ заступницы, которая могла бы помочь, одинокій мужчина недолго прослужить. Особенно если хорошенькій. Всѣ лѣзуть.

— А уйдешь — безъ мѣста находишься. У меня есть знакомый одинъ. Университетъ кончилъ... До того дошелъ, что въ прислуги пошелъ служить. Такъ до сихъ поръ горничной у одной адвокатессы и служить.

— Неужели? Могъ бы шитьемъ заняться лучше

— Здѣсь жалованье готовое и столъ. Только на барыню

свою жалуется — какъ, говоритъ, уѣдетъ мужъ на дачу къ родственникамъ, такъ щипать меня начинается. Встрѣтитъ въ коридорѣ и ущипнетъ.

— Хорошо еще, что устроился. Мнѣ одного студента недавно пришлось нянькой устраивать — двѣ недѣли бѣдняга съ рекомендаціями проходилъ — нигдѣ не берутъ.

— Въ мамки бы пошелъ. Мамокъ мало.

— Пробовалъ. Отказали. Фигура видите ли неподходящая... А то, что человекъ на послѣднія деньги кокошникъ покупалъ, такъ до этого имъ никакого дѣла...

* * *

Семейный бытъ пойдетъ по иному руслу.

— Ты бы приодѣлся, Коленька... Сегодня Приходкина забдетъ предложеніе дѣлать, а ты безъ жилета сидишь...

— Папочка, не отдавайте меня ей... Я лучше буду помогать вамъ на кухнѣ, поступлю на курсы, только не выдавайте...

— Ну что ты меня старика мучаешь... Мать хочетъ. У ней какой-то подрядъ пролетѣлъ, такъ она твоей женитьбой дѣла поправить хочетъ. Я, братъ, ничего не могу сдѣлать. Самъ знаешь, какъ теперь на курсистовъ смотрять... Ходяць лысые, въ косовороткахъ, женщины на нихъ и смотрѣть не хотятъ.

— Папочка... Приходкина старше меня на двадцать три года... Она будетъ... Готово. Приѣхала.

— Я кажется опоздала? У меня съ одной банкиршей свиданіе было.

— Очень пріятно... Садитесь. Коленька туалетомъ побѣждалъ заниматься.

Рис. Миссъ.

ЧУВСТВО СТИЛЯ.

— Нянечка, вы совсѣмъ не знаете правилъ гигиены. Головку Жоржика нужно держать въ тѣни, а то онъ загоритъ и не будетъ подъ цвѣтъ моему новому платью.

— Ну-съ, Марья Егоровна, поговоримъ, какъ женщины. Вы знаете, что мнѣ нравится вашъ сынъ.

— Ахъ, мнѣ такъ жалко отпустить его отъ себя...

— Короче говоря — я дѣлаю предложеніе... У меня есть домъ, я занимаю хорошее положеніе въ акціонерномъ обществѣ «Продолуть», кромѣ того, вскорѣ я буду произведена въ дѣйствительныя статскія совѣтницы...

— Мой Коля недостойнъ стать мужемъ такого лица...

— Бросьте. Мнѣ нуженъ подругъ жизни, и я остановила свой выборъ на немъ... Ахъ, вотъ и онъ самъ...

— Коленька... Вотъ онѣ просятъ твоей руки... Ну что же ты конфузишься... Тебѣ уже восемнадцать лѣтъ, дѣла у меня не блестящія, пенсія не такая большая...

— Я того... Согласенъ...

* * *

Любовныя встрѣчи и первая нѣжность сближеній при-
мутъ другую окраску

Женщины будутъ пріѣзжать на свиданья съ портфелями, поминутно вынимать часы и жаловаться, что имъ некогда.

Мужчина будетъ ломаться, объяснять, что ему нельзя поздно приходить домой, такъ какъ родители держатъ его строго.

— Можетъ, мы сегодня въ оперетку съѣздимъ?

— Что вы... Вы забываете, что все-таки не женаты. Это неприлично. Могутъ знакомые встрѣтиться, сплетни начнутся...

— Вы меня простите... Я не хотѣла васъ обидѣть... Думала, можетъ быть, оттуда поужинать поѣдемъ...

— У меня одинъ товарищъ есть, можетъ быть, заѣдемъ за нимъ... Съ нимъ вдвоемъ я куда угодно поѣду.

— Ну со мной-то могли бы не бояться...

— О васъ такіе слухи ходятъ, Евгенія Петровна... Говорятъ, что... Нѣтъ, мнѣ стыдно...

— Ну говорите, говорите...

— Нѣтъ, стыдно... Говорятъ, что вы бросили Черухова...

— Ну что же. Онъ мнѣ разонравился.

— Вотъ и меня также бросите. Черезъ три мѣсяца.

— Петя!.. И вамъ не стыдно? Я даю слово, что возьму васъ въ мужья...

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, я боюсь васъ... Вамъ все равно женщинамъ, я... А каково намъ послѣ...

— Петя, вашъ образъ преслѣдуетъ меня уже годъ и четыре мѣсяца... Я хотѣла написать вамъ, но не рѣшалась... И вотъ теперь, когда мы встрѣтились... У насъ будетъ такое счастье. Я сниму вамъ квартирку въ четыре комнаты съ ванной и лифтомъ. У васъ будетъ своя голубая гостиная...

— Я очень люблю голубой цвѣтъ.

— Я куплю вамъ граммофонъ, живую канарейку и письменный столъ... А сама буду пріѣзжать по субботамъ...

— Ахъ, что вы со мной дѣлаете... Вы мнѣ кружите голову...

— Нѣтъ, нѣтъ... Ахъ, Петя, у васъ такія губы... Такой носъ... Вы сами меня опьяняете... Въ квартирѣ у васъ всегда будутъ цвѣты и конфеты... Ѣдемъ сейчасъ въ оперетку...

— Хорошо. Ѣдемъ. Боже, если бы это знали мои родители и тетя Маша...

* * *

Но даже и въ то время, я твердо увѣренъ, что мы пробь-
емъ себѣ дорогу. Мы добьемся того, что насъ будутъ принимать въ университеты, допустятъ насъ въ парламентъ и дадутъ намъ одинаковыя съ женщинами права. Мужчина — тоже человѣкъ.

Арк. Буховъ.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Гора къ Магомету

Изъ всѣхъ стратегическихъ мѣропріятій, предпринимаемыхъ нашими врагами, наибольшаго вниманія заслуживаетъ неожиданный ударъ, который думаютъ нанести турки:

Непрекращающіеся безпорядки и волненія въ Аравіи, приведшіе даже къ возстанію противъ Турціи, побуждаютъ повелителя правобѣрныхъ прибѣгнуть къ героическому средству — къ личной поѣздкѣ на поклоненіе Каабы и священному ковру Магомета.

Врядъ ли Магометъ вмѣшается въ чужія дѣла, особенно такія запутанныя. Даже коверъ спрячетъ, чтобы не украли.

Прейсъ-курантъ идей.

Газеты рассказываютъ о томъ, что

американскій журналистъ Джонъ Бальдерстонъ сдѣлалъ подсчетъ суммамъ, испрашиваемымъ германскимъ правительствомъ на пропаганду своихъ идей. Общій итогъ достигаетъ невѣроятной суммы въ одинъ миллиардъ восемьсотъ пятьдесятъ миллионъ франковъ.

Единственная германская идея, которая не стоила имъ денегъ, это идея о томъ, что если затянется война, Германія будетъ сидѣть безъ хлѣба. Бетманъ-Гольвегъ распространяетъ ее съ такимъ рвеніемъ по всему свѣту, что экономить своей страной минимально миллионъ полтора марокъ

Настоящіе парни.

Петроградъ всегда заимствовалъ хорошія манеры отъ западныхъ столицъ. Единственно, когда онъ оглядывается на Россію, это теперь. И то оглядывается на Сахалинъ. „Копѣйка“ пишетъ:

Вчера въ Петроградѣ закрылся рядъ обувныхъ магазиновъ, въ виду ожидавшагося введенія таксы на обувь. Въ другихъ магазинахъ, особенно расположенныхъ въ центрѣ города, откровенно предупредили покупателей, что съ введеніемъ таксы наиболее прочные сорта „исчезнутъ“ изъ обращенія.

Интересно, долго ли еще останутся въ обращеніи сами владѣльцы магазиновъ?

Банковское содержимое.

Недавно закончившійся съездъ банковскихъ дѣятелей горячо высказывался по поводу переживаемыхъ нами событій. Первымъ откликнулся на призывныя слова Харьковъ. Тамъ

полицейскими обысками въ складахъ мѣстныхъ банковъ обнаружено 30 вагоновъ мануфактуры, 40 вагоновъ джутовыхъ мѣшковъ, 25 вагоновъ чилийской селитры, 2 вагона рису, 3000 пудовъ сахара, 500 пуд. подковныхъ гвоздей.

Мы не думаемъ, чтобы чилийской селитрой выдавались проценты на вложенный въ банкъ капиталъ или принимались на текущій счетъ подковные гвозди. Врядъ ли все это принесли похоронить сосѣди по дому или родственники сторожа?

Самая слабая сторона банковъ — это ихъ фасадъ. Въ фасадѣ есть дверь, черезъ которую всегда можно войти и предъявить повѣстку изъ суда директору.

Милое учрежденіе.

Въ Германіи объявилось новое учрежденіе, которое, какъ кажется, руководило управленіемъ страны уже лѣтъ сорокъ!

Особая комиссія германскаго торговаго съезда высказалась въ послѣднемъ засѣданіи за основаніе особаго учрежденія, подвѣдомственнаго имперскому канцлеру, а именно „вѣдомства готовности къ войнѣ“, для основательнаго обезпеченія во всякое время экономической готовности къ войнѣ Германіи.

Еще два-три такихъ вѣдомства, и нѣмцы обрастутъ волосо-
сами и начнутъ ѣсть глину. Злоупотреблять войной не слѣдуетъ.

Къ безстыдникамъ тыла.

Въ „Днѣ“ помѣщенъ фельетонъ Луначарскаго Беремъ одно изъ самыхъ потрясающихъ мѣстъ:

Вотъ часъ ужина. Работающіе возвращаются. Вернемся въ унылую камеру русскихъ. У каждаго стола стоитъ огромный дымящійся чанъ, наполненный желтоватой жижей. Это супъ изъ раздавленнаго маиса съ картофелемъ. На каждаго человѣка картошекъ приходится очень мало. Унтеръ-офицеръ раздѣляетъ супъ и картофель поровну въ миски. Но не найдете за столами рѣшительно никого. Почему? Вернемся во французскую камеру, и вы поймете. Видите вы эти толкающіяся кучи людей, которые ждутъ у нашихъ дверей и оконъ, пока мы кончимъ обѣдать? Вотъ они — растерзанные, блѣдные, дрожащіе отъ холода и стыда. Каждый держитъ въ рукахъ маленькое ведерко. Когда мы сыты — остатки отдаются имъ: зато они вымываютъ нашу грязную посуду. Потомъ они возвращаются къ себѣ и дѣлятъ свою добычу, потому что нѣмецкой порціей нельзя быть сытымъ: это пол-литра очень жидкаго супа. Они поютъ свою молитву и приступаютъ къ ѣдѣ, когда супъ сталъ уже холоднымъ и противнымъ. Вы представьте себѣ не можете, до какой степени поучительно и богато значеніемъ сравненіе различныхъ народовъ — русскихъ, англичанъ и французовъ, которое дѣлаешь здѣсь.

Оказывается, что въ тотъ лагерь военнопленныхъ, о которомъ идетъ рѣчь, на имя 3000 французовъ и англичанъ приходится въ день 800 посылокъ, на имя нашихъ 10—12...

Ахъ, если бы можно было каждаго изъ насъ, кто ни гроша не далъ еще для плѣнныхъ, заставить простоять такъ съ чашкой въ дрожащей рукѣ и дожидаться помоевъ... Это было бы убѣдительно всѣхъ статей.

Рис. А. Р.

У Б И Й Ц А.

... «Я съ вами вполнѣ согласенъ: герою вашего рассказа оставался одинъ только выходъ: убійство и самоубійство. Я нахожусь въ такомъ же положеніи, какъ вашъ Зеленковъ, и мнѣ остается послѣдовать его примѣру. Спасибо вамъ большое за вашъ рассказъ! Вы положили конецъ моимъ сомнѣніямъ».

Дальше слѣдовала неразборчивая, явно не доведенная до конца подпись: «П. Гребен...» и росчеркъ.

Беллетристъ Замоискій почувствовалъ, какъ по всему тѣлу разлилась какая-то теплая слабость, а въ щекахъ закололо, словно иголками.

— Убійство и самоубійство! И я толкнулъ его на это!.. — громко сказала Замоискій.

Вмѣстѣ съ ужасомъ, который ясно глядѣлъ на Замоискаго изъ каждой строки, изъ cadaго слова, изъ каждой буквы этого письма, скромной тѣнью вилась радость... Радость писателя, сознающаго, что его труды, его переживания принесли плодъ.

— Попалъ въ точку!... Теперь мой Зеленковъ живой!

И то, что онъ сталъ живымъ потому, что изъ-за него двѣ жизни оборвались — было Замоискому пріятно. Было пріятно и жутко.

Замоискій торопливо раскрылъ послѣднюю книжку журнала «Грядущіе дни» и впился глазами въ послѣднія строки своего рассказа.

«... Зеленковъ смотрѣлъ на маленькое отверстие въ вискѣ Нины, на лужу крови, начинавшейся узкой струйкой на щекѣ убитой, и почти не понималъ, что измѣняетъ своему рѣшенію стрѣлять въ себя моментально послѣ выстрѣла въ Нину.

Подавивъ вырвавшійся изъ груди стонъ, онъ крѣпко прижался губами къ ея еще теплой рукѣ, свѣшивавшейся съ кровати, и, стоя на колѣняхъ, направилъ дуло нѣсколько выше своего сердца. Грянулъ выстрѣлъ. Чуть дрогнула рука, дуло пришлось противъ сердца. Смерть наступила мгновенно.

... Взламывали дверь».

Отчетливо, словно на экранѣ, увидѣлъ Замоискій эту картину убійства и самоубійства. Прежняя радость, прежнее гордое сознание, что его образы воплотились въ плоть и кровь, куда-то исчезли.

— Кто онъ?! Можетъ быть, его еще можно спасти?... Кто она, которую я обрекъ на смерть отъ руки любимаго и любящаго человѣка? — спрашивалъ себя Замоискій, не выпуская письма изъ рукъ. — Какъ его найти?!

Онъ сталъ изучать подпись.

— П. Гребен... П — Петръ... Павелъ... Прокофій... Пантелеймонъ... Гребенковъ... Гребенчиковъ... — Нѣтъ!.. Развѣ можно найти?!.. Можетъ быть, ложная подпись!!..

Его охватывалъ ужасъ. Передъ глазами носилась картина, которую онъ когда-то такъ хладнокровно выписывалъ. Тогда нисколько не было жаль ни Зеленкова, ни Нины. Тогда выходъ, который онъ навязалъ имъ, казался такимъ логичнымъ, прямымъ и неизбѣжнымъ.

Почему-то встала въ памяти сумма гонорара: 148 рублей 60 копеекъ, полученныхъ за этотъ рассказъ.

— По 74 рубля 30 копеекъ за душу. Дороже Иуды... не продешевилъ!..

Замоискій схватилъ «Грядущіе дни» и швырнулъ за книжный шкапъ.

— Чортъ меня дернулъ писать этотъ глупый рассказъ!..

И со злобнаго чувства онъ ткнулъ себя въ грудь такъ сильно, словно хотѣлъ отшвырнуть себя куда-то далеко. И сразу захотѣлось найти себѣ оправданіе:

— Какъ будто не каждый день газетная хроника пестритъ сообщениями о такихъ случаяхъ!

Но сейчасъ же этотъ оправдательный мотивъ былъ отпущенъ:

— Тѣ же случаи безъ твоего подстрекательства!... Ты — убійца!...

... Дни текли. Замоискій похудѣлъ, осунулся. Пересталъ писать. Помѣстивъ въ газетахъ «письма въ редакцію», въ которыхъ просилъ П. Гребен..., приславшаго письмо, зайти побесѣдовать. П. Гребен... не откликнулся.

— Неужели уже все кончено?! Но почему же ничего не было въ газетахъ?.. Можетъ быть, онъ жилъ въ провинціи?.. Можетъ быть, я проглядѣлъ замѣтку?.. — задавалъ себѣ Замоискій, Богъ знаетъ въ какой ужъ разъ, эти вопросы.

Онъ рѣшилъ сдѣлать публикаціи въ провинціальныхъ газетахъ. И затратилъ на это 148 рублей 60 копеекъ.

Уплативши эту сумму конторѣ по приему анонсовъ, Замоискій почувствовалъ облегченіе.

Черезъ нѣсколько дней пришло письмо. Замоискій, узнавъ почеркъ, заволновался. Съ замираніемъ сердца вскрылъ онъ его и прочелъ:

— «... А я, вѣдь, остался жить и она также жива. Передумалъ. Вашъ Зеленковъ и Нина — литература, мы живые люди. Боже мой, какое счастье жить!.. Да здравствуетъ жизнь!! П. Гребендулинъ».

Замоискій вынулъ изъ бумажника квитанцію на уплаченные за публикаціи 148 рублей 60 копеекъ, съ остервенѣніемъ изорвалъ ее на мелкіе кусочки и, кровожадно обливаясь, сѣлъ за письменный столъ.

Исидоръ Гуревичъ.

ЖРИЦА ИСКУССТВА.

Неизвѣстно, чѣмъ она была до сихъ поръ, но теперь она — героиня, потому что ея мужъ — антрепренеръ.

Жалуюсь второму простаку

На тоску,

Она томно падаетъ поперекъ дивана

И стонетъ: «Голубчикъ, достаньте мнѣ гдѣ-нибудь

Гюго-де Монпасана».

Лидія Лѣсная.

НЕДОНОШЕННЫЕ РАЗСКАЗЫ.

(Изъ записной книжки.)

12.

Сила.

Нѣкій грекъ открылъ въ центрѣ города кафе. Дѣла пошли хорошо. Кафе разрослось. Стало тѣсно въ большой зеркальной залѣ.

Грекъ сидѣлъ по вечерамъ за конторкой, считалъ безчисленныя кредитки, съ тоской смотрѣлъ на все растущую тѣсноту въ залѣ и думалъ: «Надо расширить кафе. Надо еще залу».

Цѣлую зиму онъ думалъ, а къ веснѣ пошелъ къ хозяевамъ дома съ планомъ расширенія кафе.

Хозяевами дома были два брата-старика. Одному было 73 года; другому — 75.

Оба чистенькіе, ласковые, живущіе въ маленькой уютной квартирѣ.

— Такъ вотъ что, — говорилъ грекъ — мои дѣла идутъ хорошо, надо кафе расширить. Я пробью одну стѣну, перестрою лѣстницу и присоединю къ кафе большой магазинъ, въ которомъ сейчасъ продаютъ платье. Вотъ и хорошо будетъ! — радостно заключилъ онъ.

Старшій братъ внимательно слушалъ его, раскрывъ ротъ и поддерживая ладонью ухо, чтобы лучше слышать.

Другой стоялъ у окна и кормилъ канарейку.

— Такъ вотъ, — говорилъ грекъ, размахивая правой рукой, — я, значитъ, все это перестрою, и будетъ хорошее кафе! Расходы всѣ, конечно, мои, а вамъ я дамъ три тысячи.

Онъ ждалъ эффекта, но лицо хозяина-старика было

равнодушно. Подумавъ съ минуту, онъ закрыль ротъ, отняль отъ уха ладонь, мотнулъ сѣдой бородой и спокойно сказалъ:

— Нѣтъ.

Другой старикъ пересталъ кормить канарейку, подошелъ къ столу, сѣлъ рядомъ съ братомъ, тоже мотнулъ бородой и тоже сказалъ:

— Нѣтъ.

Грекъ ничего не поняль.

— Какъ нѣтъ?! Почему нѣтъ?! Зачѣмъ нѣтъ?!

Оба старика одновременно мотнули бородами и одновременно сказали:

— Нѣтъ.

Грекъ вскочилъ и взмолился:

— Боже?! Но почему нѣтъ?! Почему?! Ну, я вамъ дамъ четыре тысячи.

— Нѣтъ. Шумъ будетъ. Возня. Загадятъ дворъ кирпичами, известкой. Рабочіе будутъ, пѣсни будутъ пѣть, стучать съ пяти утра. Не годится.

Грекъ, красный и вспотѣвшій, бѣгалъ по комнатѣ, размахивалъ руками, хлопалъ себя ими по ляжкамъ и кричалъ:

— Господа! Но это, вѣдь, не доводъ!! Вѣдь это неслыханная вещь! Какъ же строить безъ рабочихъ! Господа, ну что вы! Вѣдь кафе надо расширить! Надо же! Ну, я вамъ дамъ пять тысячъ!

Старики подумали, мотнули бородами и сказали:

— Нѣтъ.

Грекъ опять началъ просить ихъ, уговаривать, удивляться, возмущаться. Онъ доказывалъ, что ему надо же расширить кафе, а бросать насиженное мѣсто, на которомъ повезло, тоже не годится.

Старики же спокойно и ласково твердили одно:

— Нѣтъ.

— Ну, я вамъ дамъ семь тысячъ!

— Зачѣмъ намъ семь тысячъ? — сказалъ одинъ старикъ. — Мы скоро умремъ, и намъ покой нуженъ.

— Мы скоро умремъ. И намъ покой нуженъ. Да, — повторилъ другой.

Сколько грекъ ни умоляль — ничего не вышло.

Въ этихъ двухъ старикахъ, ждущихъ смерти и равнодушныхъ къ дѣламъ земнымъ, чувствовалась несокрушимая, увѣренная, сознавшая себя сила.

Грекъ взяль шляпу и вышелъ. На лѣстницѣ онъ постояль, подумалъ, поскребъ всѣми десятью пальцами темя, вспомнилъ вдругъ, что и ему недавно минуло 52 года, махнулъ рукой, пошелъ домой и три дня не приходилъ въ кафе.

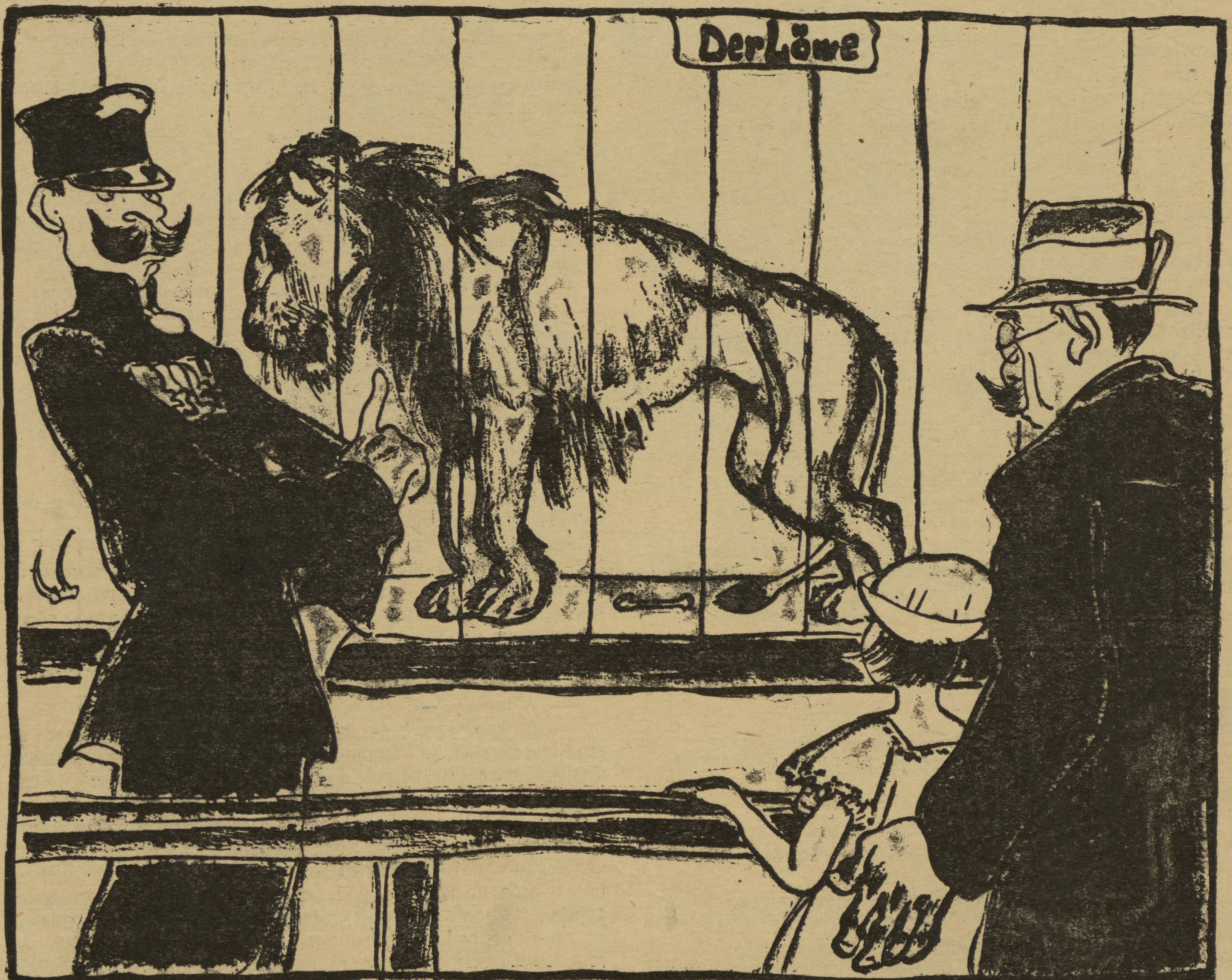
13.

Новый домъ.

Вы наблюдали когда-нибудь, какъ новый домъ превращается въ жилую?

Въ этомъ процессѣ есть что-то интересное и чуть-чуть грустное, какъ во всякомъ приобщеніи къ жизни.

Рис. В. Лебедева.

СКРОМНОЕ ЖЕЛАНІЕ.

„Смотритель Зоолог. сада въ Берлинѣ выпустиль книгу, въ которой жалуется, что звѣри начинаютъдохнуть отъ голода“. (Изъ газетъ).

Укротитель: — Ударомъ хвоста этотъ левъ можетъ убить цѣлую корову.

Левъ: — Корову... Мнѣ бы живого кролика дали убить и то спасибо сказалъ бы.

Въ большомъ городѣ этотъ процессъ довольно продолжи-
теленъ.

Прежде всего начинается жизнь въ магазинахъ. Домъ
еще не достроенъ; еще по крышамъ бродятъ озабоченные
кровельщики и ожесточенно колотятъ молотками, но въ ма-
газинахъ уже торгуютъ. Витринныя стекла тщательно вы-
мыты. Новенькія вывѣски блестятъ.

Но домъ еще все-таки новъ и свѣжъ. Новый, только что
нанятый дворникъ охраняетъ его не очень строго, и въ домѣ,
гдѣ-нибудь на чердакѣ или въ незапертой квартирѣ, можетъ
переночевать бездомный.

Это длится не долго. Дворничья связка ключей на
жесткой проволоцѣ быстро таетъ. Въ новый домъ начина-
ютъ развязно заходить люди, бродить по квартирамъ, го-
ворить громкими голосами, какими обыкновенно не гово-
рятъ въ жилыхъ домахъ и жилыхъ квартирахъ, и безцере-
монно тыкать въ стѣны палками.

Въ пустыхъ квартирахъ появляются бабы съ подокнутыми
подолами. Онѣ моютъ полы, двери, окна. На какомъ-ни-
будь окнѣ снаружи вдругъ появляется градусникъ. Дворникъ
уже дежуритъ по ночамъ у воротъ по-настоящему. Без-
домному уже нельзя переночевать.

Во дворѣ, на голой, еще сырой стѣнѣ появляется кро-
хотная вывѣска: «Переписка на пишущей машинѣ». На
третьемъ этажѣ въ квартирѣ, кажущейся пустой, по утрамъ
уже визгливо ругаются. Послѣ перебранки кто-то громко и
нудно плачетъ.

Во дворѣ заходитъ иногда околоточный надзиратель, съ
портфелемъ подъ мышкой. Онъ останавливается въ центрѣ
двора, смотритъ нѣсколько минутъ на пустыя окна и ухо-
дитъ.

Домъ еще кажется пустымъ, но изъ него выходятъ дѣти,
съ ранцами на спинѣ, идущія въ училище. Гдѣ они живутъ —
неизвѣстно.

Изъ трубъ валитъ дымъ, густой, черный, обильный.
На вопросы прохожихъ, есть-ли свободныя квартиры, двор-
никъ отрицательно мотаетъ головой. Видно, ему уже надо-
ѣли эти вопросы.

Фасадъ дома почти слился съ фасадами другихъ домовъ.
Потемнѣлъ немного. Нахмурился. Дворъ незамѣтно очис-
тился отъ горь щепня, извести, строительнаго мусора.

Съ каждымъ днемъ растетъ шумъ. Играютъ на пианино
хлопаютъ дверьми, раздаются смѣхъ. На лѣстницахъ пах-
нетъ пиццей. На одной — карболкой: тамъ кто-то боленъ.

Домъ незамѣтно наполнился жильцами.

Въ новый домъ заходятъ старьевщики и выносятъ на пле-
чахъ массу стараго тряпья...

Во дворѣ, въ углу, съ утра сидитъ на сломанномъ стулѣ
старуха. Передъ нею такой же поломанный столъ, лампа,
люлька, подушки и всякій скарбъ. Двое дѣтей стоятъ око-
ло нея.

Это — бѣдная семья, которую успѣли выселить изъ под-
вала за неплатежъ.

Съ той лѣстницы, гдѣ пахло карболкой, вынесли покой-
ника. Прислуги и дѣти пошли смотрѣть на похороны.

Въ другой разъ, на другой лѣстницѣ, разбили стекло.
Тамъ гнались за воромъ, и кто-то разбилъ стекло палкой.

Новый домъ зажилъ старой жизнью...

Ефимъ Зозуля.

ЕГИПТЯНИНЪ.

Я выстроилъ себѣ благополучья домъ:
Онъ весь изъ дерева, и ни куска гранита!
И царская его осматривала свита —
Тамъ виноградники, цвѣтникъ и водоемъ.

Чтобъ воздухъ проникалъ въ удобное жилье,
Я вынулъ три стѣны въ преддверьѣ легкой клѣти
И безошибочно я выбралъ пальмы эти
Краеугольными — прямыми, какъ копье.

Кто можетъ описать чиновника доходъ?
Безсмертны высокопоставленныя лица.
Гдѣ управляющій? Готова ли гробница?
Въ хозяйствѣ письменный я слушаю отчетъ.

— «Тяжелымъ жерновомъ мучнистое зерно
Приказано смолоть служанкѣ низкорослой;
Священникамъ налогъ исправно будетъ посланъ;
Составленъ протоколъ на хлѣбъ и полотно».

Въ столовой на полу песь, растянувшись, легъ,
И кресло прочное стоитъ на львиныхъ лапахъ.
Я жареныхъ гусей вдыхаю сладкій запахъ —
Загробныхъ радостей вещественный залогъ!

О. Мандельштамъ.

МАТЬ И ДИТЯ.

(Опытъ дошкольнаго воспитанія.)

Кто въ дѣтствѣ не читалъ поучительной книги «Исторія
кусочка хлѣба»? Маленькіе читатели, подбадриваемые кон-
фетами и сладостями, узнавали, какъ изъ маленькаго зер-
нышка вырастаетъ колось, какъ трудолюбивые поселяне съ
веселыми пѣснями косятъ ниву; какъ старый мельникъ, напѣ-
вая грустную пѣсню, перемалываетъ муку, и, наконецъ, въ
большомъ городѣ на углу Мытнинской и Третьей Рождествен-
ской старый булочникъ, насвистывая и напѣвая, превращаетъ
муку во вкусную сдобную булку. Поучительная исторія; инте-
ресная, полезная.

Педагогика настоятельно предписываетъ воспитывать дѣ-
тей въ духѣ времени. Рассказывать дѣтямъ исторію кусочка
хлѣба такъ же безцѣльно и несвоевременно, какъ пичкать
браваго шестиклассника, курящаго папиросы и не пропускаю-
щаго ни одной смазливой горничной, метафизическими сказ-
ками о пресловутомъ аистѣ.

Взрослые! Объясняйте дѣтямъ жизнь. Не держите ихъ
въ цѣпяхъ шаблоннаго кругозора. Въ 1916 году матери
должны рассказывать своимъ дѣтямъ не исторію кусочка
хлѣба, а другую исторію.

* * *

Бесѣда должна вестись такъ.

— Мама, — весело спрашиваетъ красивый восьмилѣтній
бутузь, — почему дядя Коля всегда пріѣзжаетъ въ автомо-
билѣ, а раньше папа говорилъ, что онъ «ѣздитъ на своихъ
заднихъ»? На автомобиль лучше, правда?

— Ты не поймешь этого; Боба. Это длинная исторія.

— Расскажи, мама! Я люблю длинныя исторіи.

Мать гладитъ кудри своего ребенка.

— Видишь ли, Боба, далеко-далеко, за синими морями,
за высокими горами живутъ странные люди. Одни называютъ
ихъ японцами, другіе американцами. Это — удивительные
люди. Каждый японецъ или каждый американецъ имѣетъ
большой-пребольшой заводъ.

— Значитъ, дядя Коля — японецъ?

— Не перебивай меня. Дядя Коля не японецъ, а онъ
имѣетъ дѣла съ японцами. Понимаешь?

— Нѣтъ.

— Ну, какой же ты безтолковый... Японецъ пишетъ
письмо дядѣ Колѣ — такъ молъ и такъ, многоуважаемый
мистеръ, у меня есть для васъ тысяча пудовъ чилийской сѣры,
по такой-то цѣнѣ, плата сифъ — на борту парохода во Влади-
востокѣ. Понялъ? Вѣдь это же очень просто. Чилийская
сѣра, японецъ, бортъ парохода, Владивостокъ...

— А дальше?

— Дальше дядя Коля, получивъ такое письмо, садится въ
свой автомобиль и ѣдетъ къ другому дядѣ, очень важному
и очень богатому. Пріѣзжаетъ онъ къ этому дядѣ, прихо-
дитъ къ нему въ кабинетъ. Они курятъ и разговариваютъ.
Дядя Коля говоритъ о погодѣ, богатый дядя тоже говоритъ
о погодѣ. Потомъ дядя Коля спрашиваетъ: «А вамъ нужна
чилийская сѣра?». Богатый дядя вскакиваетъ съ мѣста, хло-
паетъ себя по животу и платитъ дядѣ Колѣ много-много
денегъ. Потомъ богатый дядя выходитъ на улицу, садится
въ свой автомобиль и ѣдетъ къ другому дядѣ, еще болѣе бо-
гатому, и опять предлагаетъ ему чилийскую сѣру. Болѣе бо-
гатый дядя покупаетъ ее, тоже выходитъ на улицу, садится
въ автомобиль и ѣдетъ къ другому дядѣ страшно бога-
тому и...

— Опять продаетъ чилийскую сѣру?

— Да, Бобикъ. Вотъ видишь, ты и понялъ. Ты у меня
умный мальчикъ. Иди сюда, я поцѣлю тебя...

Маленькій Боба, узнавъ исторію чилийской сѣры, чув-
ствуетъ себя удовлетвореннымъ. Дѣтей больше всего гнететъ

и. Реми

РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ СПРАВА.

— Господа! Это ужась!! Куда мы идемъ? Насъ разоряютъ, хотягь запретить продавать цвѣты и заставляють разоряться на брилліанты.

непониманіе окружающей обстановки. Теперь Боба узналъ почему у дяди автомобиль, и что значить, когда дядя Коля говоритъ за обѣдомъ: «Сегодня я пристроилъ удачную партію».

* * *

Матери и отцы! Развивайте вашихъ дѣтей. Бросьте старья, надобвшія, никому ненужныя розказни о кусочкахъ хлѣба, о золотистыхъ нивахъ, о медвѣдяхъ и дремучихъ лѣсахъ, о зайцахъ и красноглазыхъ кроликахъ. Давайте ребенку живую пищу. Говорите о томъ, что реально суще-

ствуетъ, что встрѣчается въ повседневной жизни — вмѣсто того, чтобы забивать ему голову бессмысленными разсказами о далекихъ и врядь ли даже существующихъ предметахъ. Говорите дѣтямъ о чилийской сѣрѣ, объ анилиновомъ маслѣ, разсказывайте занимательную сказку о красной шапкѣ и смазанныхъ вагонахъ, о сахарѣ, лежавшемъ въ замкѣ одного графа, о сапогахъ, подметкахъ и о прочемъ. Дѣти — будущіе праждане. Давайте имъ реальную подлинную жизнь!

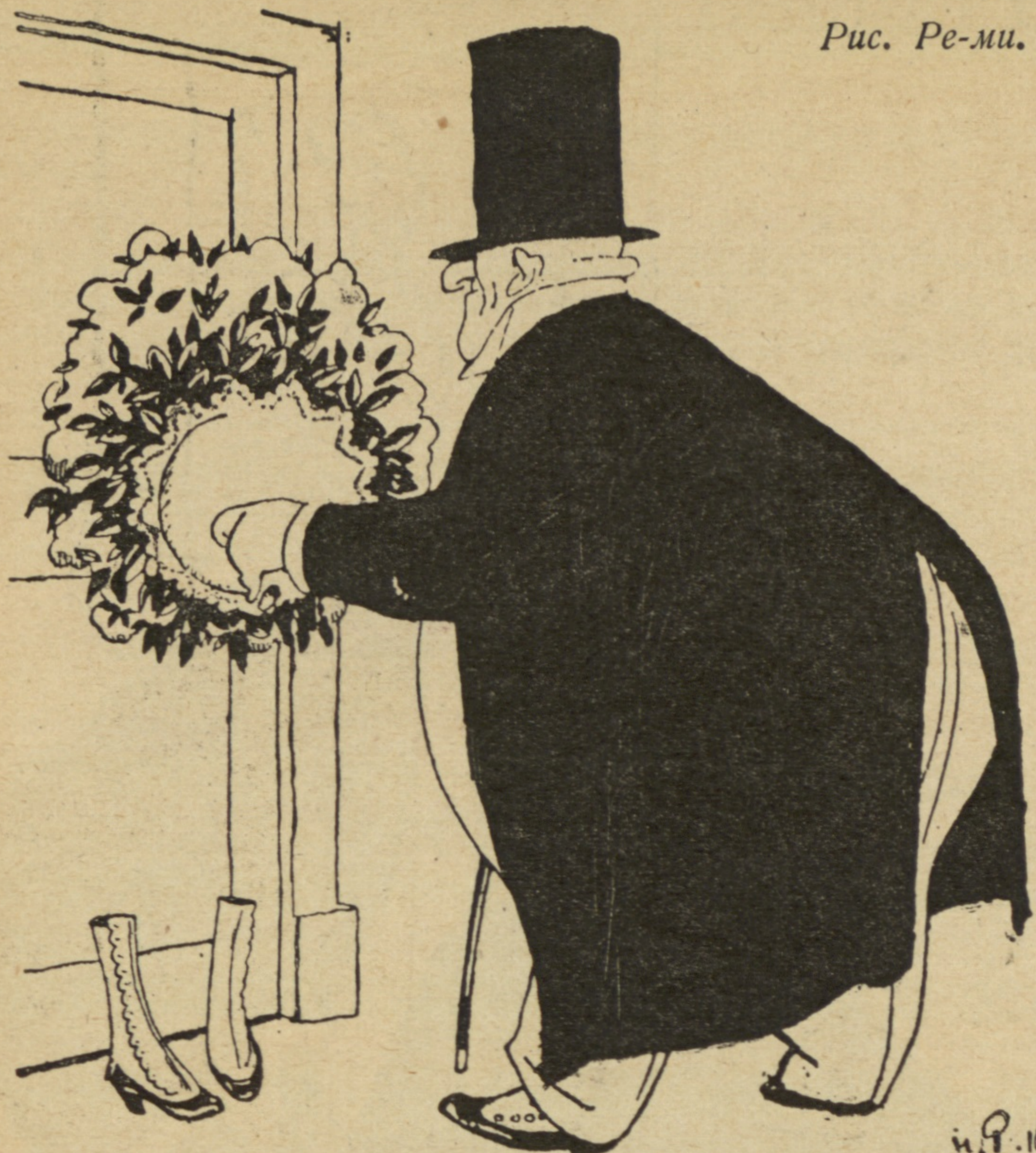

Рис. Ре-ми.

СЕЗОННЫЙ ПОДАРОКЪ.

— Когда подорожает еще больше кожа, а цвѣтовъ со-
сѣмъ не будетъ, — поднесу моей цыпочкѣ букетъ цвѣтовъ,
сдѣланный изъ разноцвѣтной кожи, и самъ ихъ самой лучшей
ваксой вычищу.

ПЕРЬЯ ИЗЪ ХВОСТА.

Полемика Дальняго Востока:

Сотрудникъ „Дальняго Востока“ г. Кокъ пишетъ о своемъ кол-
легѣ г-нѣ Жукѣ вотъ такъ:

Не успѣлъ изгладиться изъ памяти слюнявый „Баронъ Зетъ“
со своими злополучными „стихами“, какъ на сцену выползаетъ
нѣкто Жукъ.

Тотъ самый Жукъ, который издавалъ скончавшійся отъ ху-
досочія „Русскій Востокъ“, гдѣ пописывалъ „Баронъ Зетъ“.

Право, можно ожидать, что бывший редакціонный сторожъ
„Русскаго Востока“ издастъ на-дняхъ или „стихи“ или какой-
нибудь философскій трактатъ.

Отчего же?

Чувствуете, господа, сколько убійственнаго яду на языкѣ г. Кокъ
по отношенію г. Жукъ:

Я даже имѣю полное основаніе предполагать, что сторожъ,
при-ыкшій „работать“ метлой, а не перомъ, окажется грамотнѣе
г. Жука.

Ибо г. Жукъ вопіюще безграмотенъ. Жукъ безграмотенъ въ
подлинномъ смыслѣ этого слова, безграмотенъ, какъ извозчикъ,
какъ сапожникъ.

Я не отказываю себѣ въ удовольствіи почти ежедневно про-
сматривать хабаровскую газету „Приамурье“, гдѣ печатается
всякая галиматья за подписью „В. Жукъ“ или „Ежъ“.

Ужасомъ вьетъ отъ этихъ „произведеній“.

Затѣмъ, не желая отдѣлываться одними беспочвенными рассу-
ждениями, ядовитый г. Кокъ приводитъ и примѣры, сопровождающіе ихъ
уничтожающими примѣчаниями:

Помнишь цвѣты расцвѣтали,
Живые тюльпаны намъ кивали головой.
Розы дыханьемъ своимъ насъ наполнили...
И счастье долго продлится мы мнили съ тобой.
Гвоздемъ даже такихъ стиховъ не напишешь!
А вотъ отдѣльные перлы:
„Звонкій поцѣлуй, послушавшійся вдали, прервалъ его
мысли“.
Авторъ, очевидно, принялъ за поцѣлуй оплеуху вполне имъ
заслуженную.
Ужасенъ видъ г. Кока, вооружившагося страшнымъ бичемъ сар-
казма и ироніи.
Кончаетъ г. Кокъ громовымъ ударомъ:
Г. Жукъ — верхушка той поганой кучи, которая при по-
средствѣ своихъ талантовъ, „въ люди лѣзетъ“.
И некому сказать Жуку:
— Пошелъ вонъ!
И вотъ: что отъ Жука осталось? Пыль. Порохъ. Горсточка
пепла. Грустно.

Почтовый ящикъ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

А. Москва.

Н. С. — „Вы представить себѣ не можете, какое это доставить
мнѣ удовольствіе и какое дастъ мнѣ неисчерпаемое количество силы
продолжать пописывать стишки подобные присланнымъ Вамъ мною“
Такъ пишетъ тонкій лирикъ Н. С., предлагая напечатать его стихи.
А стихи такіе:

„Коля видитъ тутъ и ножки,
И чулочки до колѣнъ,
И красивыя подвязки,
Пару чудныхъ панталонъ.
Но недолго это длилось
Наступилъ и тутъ конецъ.
Вѣтеръ стихъ. Прошло мгновенье
Опустилась юбка внизъ“.

Когда мы бросили это стихотвореніе въ корзину, чье-то чужое
стихотвореніе, безропотно лежавшее тамъ два часа, возмутилось, плю-
нуло и убѣжало. Слушая его удаляющіеся шаги, мы въ душѣ не
могли не понять, что оно право. Не надо пописывать.

Сергью Р—въ. — Вы просите дать отчетъ по поводу вашего
стихотворенія до 1-го іюля „послѣ котораго, если отвѣта дано не бу-
детъ, сочту себя въ правѣ располагать стихами“.

Даже если бы прошла юридическая давность и вы не получили
бы отвѣта, мы все равно не стали бы спорить о правѣ собственности
на такіе стихи. Ваша „Лебединая пѣсня“ была первой и послѣдней
пѣсней, которую вамъ удалось спѣть передъ нами.

Б. Провинція.

Въ пространство. — А. Южной. — Еще нѣсколько такихъ
шутковъ, и газеты запестрятъ извѣщеніями о безвременно погибшемъ
редакторѣ. „Вѣдь вы шутите — пишетъ А. Южная — захотѣлось и
читателю пошутить“.

Мало ли, что читателю захочется. Не всегда мы виноваты.

— К. М. П. У П. Красивый образный языкъ, напоминающій
большой топоръ въ рукахъ профессиональнаго убійцы.

„Лола! Лола, я страдаю.
Твой прекрасный синій носъ
Мнѣ сулитъ, но что не знаю
Какъ заблудшій рыжий песъ“.

Даже это животное можетъ посулить вамъ лучшія блага, чѣмъ мы.

Арк. Б.

Редакторъ А. Т. Аверченко.
Издатель Т-во „Н. Сатириконъ“.

Гдѣ бываютъ артисты и писатели ?
за завтракомъ, обѣдомъ и
ужиномъ

ВЪ РЕСТОРАНѢ
И. С. СОКОЛОВА.
Ул. Гоголя, 13. Тел. 477-35, 29-65 и 182-22.

Комфортабельные
кабинеты.
Ресторанъ открытъ до 11 час.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

4-й годъ изданія. на еженедѣльный журналъ САТИРЫ и ЮМОРА 4-й годъ изданія.

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

ТРИ ЦѢННЫХЪ ПРЕМИИ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ (безъ доставки) 6 руб. 80 коп., съ пересылкой и доставкой
8 руб., на полгода 4 руб., на 3 мѣс. 2 руб., на 1 мѣс. 70 коп.

Адресъ конторы и редакціи: Петроградъ, Невскій, № 88. Телефонъ 59-07.

Перемѣна адреса.

Контора журн. „Новаго
Сатирикона“ взымаетъ
съ гг. подписчиковъ за
перемѣну адреса 30 коп.
и проситъ прилагать ста-
рый адресъ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

Петроградъ, Невскій пр., 88. — Телефонъ 59—07.

Выписывающіе со склада издательства на сумму не менѣе 3-хъ руб., за пересылку не платятъ. Суммы до 10 руб. можно высылать марками почтовыми и гербовыми.

<p>Аркадій Аверченко.</p> <p>О маленькихъ — для большихъ. (Разказы о дѣтяхъ.) Цѣна 1 р. 50 к.</p> <p>О хорошихъ, въ сущности, людяхъ. Цѣна 1 р. 50 к.</p> <p>Чернымъ по бѣлому. Цѣна 1 р. 50 к.</p> <p>Сатириконтцы въ Европѣ. Цѣна 1 р. 50 к.</p> <p>Чудеса въ рѣшетѣ. Цѣна 1 р. 50 к.</p> <p>Разказы для выздоравливающихъ. Цѣна 1 р. 50 к.</p> <p>Веселья устрицы. Цѣна 1 р. 50 к.</p> <p>Круги по водѣ. Цѣна 1 р. 50 к.</p> <p>Волчи ямы. Цѣна 60 к.</p>	<p>Тэффи.</p> <p>Неживой Звѣрь. Цѣна 1 р. 50 к.</p> <p>Ничего подобнаго. Цѣна 1 р. 50 к.</p> <p>Дымъ безъ огня. Цѣна 1 р. 50 к.</p> <p>Карусель. Цѣна 1 р. 50 к.</p> <p>И стало такъ. Цѣна 1 р. 50 к.</p> <p>Аркадій Буховъ.</p> <p>Жуки на булавахъ. Цѣна 1 р. 50 к.</p> <p>Чортово колесо. Цѣна 1 р. 50 к.</p>	<p>Юрій Слезкинъ.</p> <p>Повѣсти о странностяхъ любви. Цѣна 1 р. 50 к.</p> <p>Сома Опискинъ.</p> <p>(Съ предисловіемъ Аверченко и портретомъ автора.) Сорныя травы. Цѣна 1 р. 25 к.</p> <p>Владиміръ Воиновъ.</p> <p>Солнечные разказы. Цѣна 1 р. 25 к.</p> <p>Исидоръ Гуревичъ.</p> <p>Сигнальныя ракеты. Цѣна 1 р. 25 к.</p>
<p>Сергій Горный.</p> <p>Почти безъ улыбки. Цѣна 1 р. 10 к.</p>	<p>Дмитрій Цензоръ.</p> <p>Легенда будней. (Лирика.) Цѣна 1 р. 25 к.</p>	<p>А. Мюрже.</p> <p>Богема. (Романъ.) Цѣна 1 р. 25 к.</p>

Юмористическіе альманахи „Новаго Сатирикона“ при участіи авторовъ:

А. Аверченко, Вл. Азова, А. Бухова, Евг. Вѣнскаго, Исид. Гуревича, Е. Дольскаго, О. Дымова, Г. Ландау, О. Л. Д'Орь и Тэффи. Иллюстраціи художниковъ А. Радакова, В. Лебедева, Ре-ми и А. Юнгера. Обложки работы художника Ре-ми.

- 1) Осинный колъ на могилу зеленого змія. Цѣна 1 р. 50 к.
- 2) Теплая компанія (Съ кѣмъ мы воюемъ). Цѣна 1 р. 25 к.
- 3) Письмовникъ „Нов. Сатирикона“ съ приложеніемъ самоучителя танцевъ и танцевальн. разговоровъ. Цѣна 1 р. 25 к.
- 4) Физиологія и анатомія человѣка съ приложеніемъ психологіи человѣка. Цѣна 1 р. 50 к.
- 5) Всеобщая исторія, обработанная Сатириконтцами. Цѣна 1 р. 50 к.

Театральная библиотека „Новаго Сатирикона“.

Аркадій Аверченко.	Томъ 1-й.	8 одноактныхъ пьесъ.	Цѣна 2 р.
„	„	2-й. Монологи и миниатюры для сцены.	Цѣна 2 р.
„	„	3-й. Чортова дюжина (двѣнадцать пьесъ).	Цѣна 2 р.
„	„	4-й. Бенгальскіе огни (пьесы и водевили).	Цѣна 2 р.
„	„	5-й. Безъ суфлера (пьесы и монологи).	Цѣна 1 р. 50 к.
Тэффи.	„	1-й. 8 миниатюръ.	Цѣна 2 руб.
„	„	2-й. Новыя миниатюры.	Цѣна 2 руб.

Карманная библиотека „Новаго Сатирикона“.

Выпускъ 1-й.	Ал. Гринъ.	Происшествіе въ улицѣ Пса.	Цѣна 50 к.
„ 2-й.	Гр. Алексій Толстой.	Оріонъ.	Цѣна 50 к.
„ 3-й.	Александръ Рославлевъ.	Князь изъ Альгамбры.	Цѣна 50 к.
„ 4-й.	„	Записки полицейскаго пристава.	Цѣна 50 к.

Дешевая юмористическая библиотека „Новаго Сатирикона“.

Спеціальные выпуски дешевой библиотеки Новаго Сатирикона:

№ 1, 2, 3, 5, 6, 7, 8, 9, 11, 12, Аркадій Аверченко.	Аркадій Аверченко.	О нѣмцахъ и прочемъ такомъ. Пять чемодановъ. Записки театральной крысы. Человѣки. Позолоченныя пилюли.	Тэффи.	Зарево битвы. Житие-бытие.
№ 13 Тэффи, № 14 Г. Ландау, № 15 Аркадій Аверченко, № 16 О. Л. Д'Орь.	Арк. Буховъ.	Цвѣтокъ въ петлицѣ.	О. Л. Д'Орь.	Проклятіе начавшимъ.

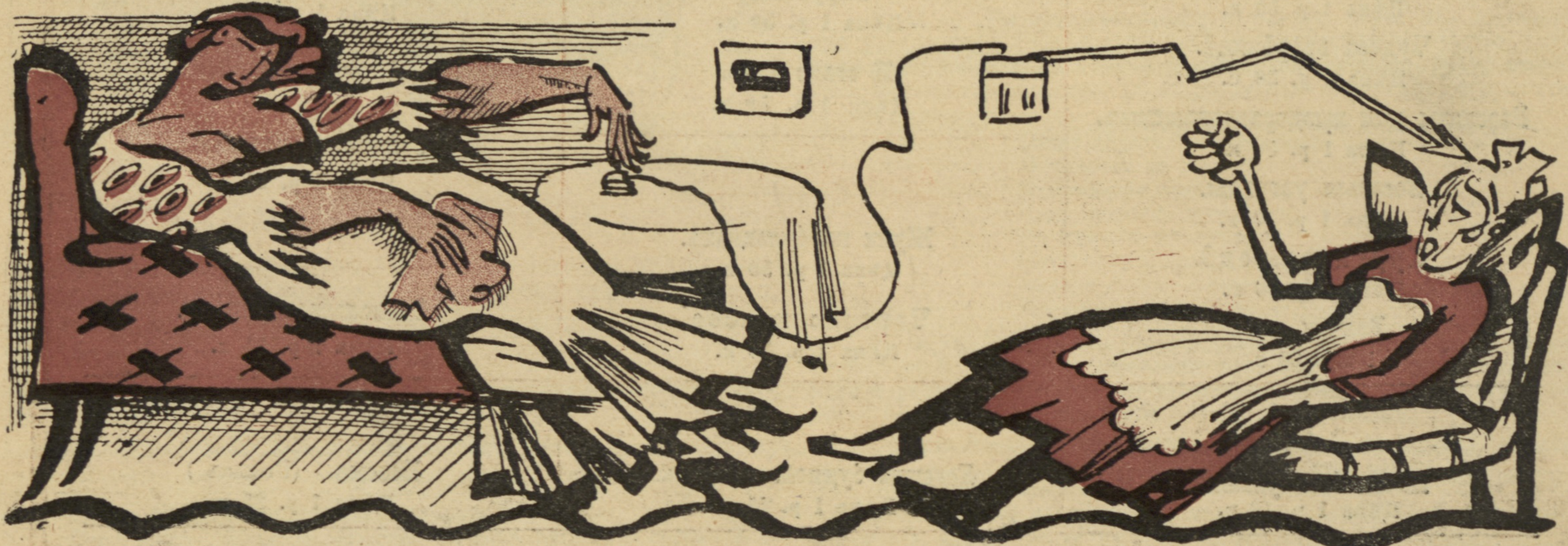
Цѣна каждаго выпуска 15 коп.

РАБЫ РАБОВЪ.
(Покорнѣйшая просьба „Новаго Сатирикона“.)

Рис. А. Радакова.

— Милыя дамы, не звоните постоянно по телефону только потому, что онъ стоитъ около вашей кушетки. Помните, что у другого аппарата сидитъ живой человѣкъ.

— И вы, очаровательныя хозяйки, не беспокойте поздно ночью звонками свою прислугу для того, чтобы спросить ее, что она думаетъ о завтрашней погодѣ.

— И вы, любящія писать письма и вѣчно перепутывающія адреса, вспомните о бѣдныхъ, усталыхъ почтальонахъ, тщетно бродящихъ въ поискахъ адресата.

— Поймите, чортъ возьми, что утомленные вами эти бѣдные рабы превращаютъ насъ въ рабовъ.